

★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

СНАЙПЕР
= ВЕЛИКОЙ =
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ИОСИФ ПИЛЮШИН

На линии огня

Иосиф Пилюшин

Снайпер Великой Отечественной

«Яуза»

2020

УДК 93/94
ББК 68

Пилюшин И. И.

Снайпер Великой Отечественной / И. И. Пилюшин — «Яуза»,
2020 — (На линии огня)

ISBN 978-5-00155-180-5

Автор этой книги был одним из лучших стрелков прославленного 14-го Краснознаменного полка 21-й дивизии войск НКВД, в котором и зародилось снайперское движение. За два с половиной года на передовой (с сентября 1941-го по февраль 1944-го) – огромный срок для снайпера! – Иосиф Иосифович Пилюшин уничтожил более ста немецких солдат и офицеров, сам был неоднократно ранен, потерял правый глаз, но научился стрелять с левого плеча и вернулся в строй. Эта книга – уникальное свидетельство человека, лично выбившего целую роту фашистов. Это – подробный и честный рассказ о фронтовой работе снайпера и «секретах мастерства», о бесчисленных боях и снайперских поединках, опасных разведках и ежедневном риске – о том, как не только выжить на передовой, но и победить. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 93/94
ББК 68

ISBN 978-5-00155-180-5

© Пилюшин И. И., 2020
© Яуза, 2020

Содержание

Первый выстрел по врагу	5
Вражеский десант	9
Бой на реке Нарве	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иосиф Пилюшин

Снайпер Великой Отечественной

Первый выстрел по врагу

Ленинград... Улицы и площади залиты солнцем, золотые шпили ослепительно сверкают в голубом небе, сады и парки – в свежей зелени и цвету. Все это я видел много раз, но теперь красота родного города казалась особенно привлекательной.

В полдень 23 июля 1941 года я вместе с новобранцами маршем прошел через Ленинград на фронт, в направлении города Нарвы. Мы глядели на улицы, дома, парки и мысленно прощались с родными местами. Далеко позади остались Нарвские ворота¹, а мы все еще косили глаза в сторону города.

Сразу же по прибытии на место назначения мы вошли в состав 105-го отдельного стрелкового полка, который располагался в небольшой деревушке. Той же ночью наша рота была назначена в боевое охранение. Мы шли к берегам Нарвы. Красноармейцы и командиры шагали молча, держа оружие наготове. Я с красноармейцем Романовым пробирался по мелкому кустарнику вдоль берега реки. Петр шел впереди меня с такой ловкостью, точно на его пути и не было мелколесья: не зашуршит ветка, не хрустнет сучок под ногами. Когда я задевал головой или плечом за куст или под ногами ломался сухой прутик, Романов останавливался и, глядя на меня, морщил свой широкий лоб, шипел сквозь зубы:

– Тише ты, медведь!

Дойдя до указанного командиром места, мы залегли возле лозового куста. Внизу широким потоком бежала вода. В тишине леса мне было тревожно, любой шорох настораживал. Птицы давно утихли, лишь где-то во ржи без умолку пел свою однотонную песню перепел.

На рассвете к нам пришел командир роты старший лейтенант Круглов. Он лег на траву рядом с Романовым и не отрывал глаз от одинокого дома на противоположном берегу реки. В доме, казалось, не было ни единого живого существа: окна и двери забиты досками. Все говорило о том, что жилье покинуто людьми. Но вот я увидел, как в заборе, окружавшем двор, медленно открылась калитка. Озираясь, вышла высокая женщина. Она была одета в необыкновенно широкую полосатую кофту и длинную черную юбку. На ее плечах лежало коромысло, на котором были повешены две корзины, наполненные бельем. Женщина шла прямо по полю к реке. Дойдя до берега, она поставила одну корзину на траву, а с другой стала медленно спускаться к воде.

Глядя на женщину, я вспомнил родную Белоруссию. Бывало, вот так же моя мать поднимала на плечо коромысло с корзинами и шла на речку Сорьянку полоскать белье. «Где она теперь? – думал я. – Осталась ли на занятой немцами белорусской земле или ей удалось уйти вместе с беженцами?» С болью в сердце я подумал о семье, которую недавно оставил в Ленинграде: «Что сейчас делают мои жена и дети? Как живут?»

Мне вспомнилось, как в ранний июньский час в мою квартиру постучался связной райвоенкомата и вручил мне повестку о немедленной явке на сборный пункт. Я быстро собрался и остановился перед закрытой дверью спальни. Мне очень хотелось увидеть жену и детей, перед уходом поговорить с ними. Я взялся за дверную ручку, но, поборов душевное волнение, решительно вышел из комнаты...

¹ Нарвские триумфальные ворота были сооружены в 1827–1834 гг. по проекту архитектора В. Стасова. Стоят на месте деревянных триумфальных ворот, построенных в 1814 г. по проекту итальянского архитектора Дж. Кваренги в честь русских войск, возвращающихся из Европы после окончания Отечественной войны 1812 г. и войн Шестой коалиции (1813–1814 гг.). (Прим. ред.)

Мои раздумья прервал тихий голос старшего лейтенанта:

– Товарищи, что-то эта женщина не вовремя собралась полоскать белье. Посмотрите за ней.

Прижимаясь к земле, Круглов пополз к опушке леса. Женщина же стояла на берегу и, прикрыв рукой глаза от солнца, смотрела в нашу сторону. Мы с Романовым разглядывали ее лицо: он – в бинокль, я – в оптический прицел. Лицо было сухое, длинное, с острым носом и подбородком, близко поставленные глаза напоминали лисьи.

Вот женщина присела на корточки, вынула из корзины тонкий шнур, к концу которого был привязан груз, и ловко бросила его в воду. Потом взяла тряпку и начала медленно ее полоскать. Вместе с тем она осторожно наматывала на руку конец шнура и, как только показался груз, сразу же бросила невыжатую тряпку в корзину, а шнур сунула за пазуху и вышла на берег. Посмотрев еще раз в нашу сторону, она легко подхватила на коромысло корзины и торопливо, по-мужски, зашагала к дому. Подойдя к забору, женщина взялась за щеколду калитки и воровато осмотрелась вокруг. Не заметив, видимо, ничего подозрительного, она вошла во двор, швырнула под забор корзину с бельем, а сама быстро зашагала к воротам сарая.

– Наверное, издали приехала ты, чертова фрау, полоскать белье в русской речке. Смотрите, смотрите, товарищ командир, – быстро проговорил Романов вновь подползшему к нам Круглову, – прачка-то устанавливает антенну!

Петр Романов по военной профессии был радистом, а по гражданской – преподаватель немецкого языка. Могучая фигура делала его похожим на сельского кузнеца. Веселый и остроумный, он быстро сходился с людьми, чувствовал себя со всеми легко и непринужденно. Но был в нем один недостаток: слишком горячился и нервничал. Вот и сейчас он весь как-то напряжился, словно собирался броситься через реку.

– Спокойно, Романов, – положил Круглов руку на плечо красноармейцу. – Немецкий разведчик передаст только то, что видел: проход через реку свободен, глубина воды такая-то, русских нет. А это нам и нужно.

Командир роты Виктор Круглов полюбился нам с первой встречи. Его смуглое, несколько продолговатое лицо было полно спокойствия. Сразу запомнились большие голубые глаза, густые брови, упрямые губы и великолепные белые зубы, которые очень молодили его. На груди командира красовались боевые ордена. Из рассказов товарищей по роте мы знали, что он участвовал в Финской кампании² и уже успел побывать не в одной схватке с гитлеровскими оккупантами.

Слушая командира, я, как сыч, водил глазами по берегам реки, боясь, что не замечу врага, который где-то недалеко подкрадывается все ближе к нам. Неожиданно с противоположного берега донесся шум моторов, и вскоре мы увидели мчавшихся по полю вражеских мотоциклистов. Их было десять. «Здравствуйте, вот и первая встреча!» – подумал я; руки невольно крепче сжали винтовку. Я посмотрел на Круглова: лицо его было каменным, глаза горели недобрым огнем.

– Видите, товарищи, как действует враг? – сказал он. – Вначале выслал радиста-разведчика, а за ним разведчиков-мотоциклистов. – Старший лейтенант строго посмотрел на нас: – Предупреждаю: без моей команды – ни одного выстрела. – И он уполз к опушке леса, где находился телефонист.

Немецкие мотоциклисты подъехали к берегу, приглушили моторы и, не слезая с машин, стали внимательно смотреть в нашу сторону. Потом один за другим они соскочили с мотоциклов и, держа наготове автоматы, двинулись к реке.

Романов толкнул меня локтем в бок:

– Никак, эта сволочь решила переправиться на наш берег?

² Имеется в виду советско-финская война 1939–1940 гг., известная как «зимняя война». (Прим. ред.)

– Откуда я знаю? Будем ждать команды...

Гитлеровцы осторожно подходили к реке, снимали с ремней фляги, наполняли их водой... Романов проговорил сквозь зубы:

– Эх, напоить бы их сейчас другой водичкой!

– Всею свое время...

Мы с любопытством рассматривали немецких мотоциклистов. Их лица и одежда – в дорожной пыли, на туго затянутых ремнях – гранаты-«колотушки», на головах – стальные каски, низко надвинутые на глаза.

По совести сказать, тогда я почему-то не испытывал к немецким солдатам ненависти, она появилась немного позднее, когда я увидел смерть моих товарищей и звериную жестокость фашистских палачей.

В эти минуты высоко в небе над нами разыгралось сражение. Вражеский самолет, окутанный облаком черного дыма, стремительно падал на землю. Черная точка отделилась от горящего самолета, потом как будто натолкнулась на что-то в воздухе, на мгновение приостановилась, и мы увидели раскрытый парашют, под куполом которого болтался из стороны в сторону человек. С волнением наблюдали мы за тем, что происходило в небе. Романов и я то и дело толкали друг друга в бок, что-то говорили, страстно желая победы нашим летчикам, сражавшимся с «мессершмиттами».

Немецкие мотоциклисты тоже уставились в небо, с удивлением наблюдая, как горстка русских «ястребков» смело вела бой с большой стаей немецких самолетов. О чем-то переговарив между собой, мотоциклисты быстро умчались.

Но прошло некоторое время, и на том берегу вновь заурчали моторы. Я увидел новую группу мотоциклистов, мчавшихся к берегу реки. На этот раз впереди шла бронемашина, которая остановилась у дома. Из нее не спеша вышли два офицера. Тут же к ним подошел высокий человек, тоже в офицерской форме. Наблюдая в оптический прицел за немцами, я сразу узнал в высоком офицере с напоминавшим лисью морду лицом «женщину», измерявшую утром глубину реки.

Показывая рукой на наш берег, разведчик что-то убежденно говорил офицерам, которые часто смотрели в развернутые карты. «Скоро, видимо, подойдут их передовые части», – подумал я. Сколько прошло времени в таком ожидании – не помню, но вдруг неподалеку от меня прогремел резкий выстрел, и сразу тихую Нарву взбудоражила пулеметная и ружейная стрельба. Я быстро наметил свою цель – высокого разведчика в группе офицеров. В азарте начавшегося боя я торопливо прицелился и произвел свой первый выстрел по врагу. Немец резко качнулся и медленно опустился на колени, потом, опираясь руками о землю, попытался встать на ноги, но никак не мог поднять отяжелевшую голову. Сделав последнее усилие, он неуклюже упал на бок, раскинув руки в стороны.

Увидев убитого мной немца, я не ощутил душевного удовлетворения, а лишь какую-то тупую жалость к этому человеку. Ведь я стрелял не по мишени, как в школе ОСОАВИАХИМа³, а по живой цели... Все это промелькнуло в моем сознании, но я тут же стал искать новую цель, чтобы повторить то, что уже начал делать...

Когда бой закончился, командир роты Круглов собрал нас всех и с непонятым раздражением крикнул:

– Кто первый стрелял?

Мы радовались успеху, а наш командир неистово ругался:

– Вы понимаете, что наделали?! Мы могли бы куда больше положить их здесь, если бы вы выполнили мой приказ!

³ ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Существовало в 1927–1948 гг.; занималось подготовкой молодежи к службе в Вооруженных силах. (Прим. ред.)

Стоявший рядом со мной красноармеец Герасимов, насупив густые русые брови, не глядя на командира, глубоко вздохнул, сделал шаг вперед, пробасил:

– Нервы не выдержали, товарищ командир...

Вражеский десант

Когда вечером мы возвратились из боевого охранения в расположение батальона, здесь уже была вырыта и хорошо замаскирована глубокая траншея. Бойцы ужинали, вполголоса переговаривались о событиях дня, мыли котелки, наполняли свежей водой фляги, проверяли оружие.

Сон на передовой был очень беспокойным: каждый из нас просыпался по нескольку раз и с тревогой прислушивался к отдаленному гулу артиллерийской стрельбы, доносившемуся со стороны Кингисеппа. В расположении нашей части не было слышно ни единого звука. Все делалось бесшумно, молча. Часовые шагали осторожно, не отводя глаз от противоположного берега, откуда мы ждали врага.

Многие бойцы спали на голой земле, крепко прижав к груди винтовки. Чутким был их сон, они были готовы в любую минуту подняться и вступить в бой. Кто не мог уснуть – сидели группами и вели тихую беседу, вспоминали о своих заводах, колхозах, семьях. Каждый из нас в глубине сердца таил тревогу, хотя мы старались не думать о том, что угрожает нам каждую минуту.

В воздухе загудели моторы. Самолеты шли на восток, – по-видимому, на Ленинград.

– Поползли, гады, – сказал Романов. – Кто знает, может быть, они сбросят бомбу и на мой дом...

У меня до боли сжалось сердце. Чувствуя свое бессилие, я не мог стоять на одном месте: быстро курил одну папиросу за другой, ходил взад и вперед по траншее. Красота белой ночи⁴ поблекла. Все заполнил грохочущий шум самолетов.

Прошло несколько дней. Все это время мы работали лопатами, топорами, укрепляя нашу траншею. На противоположном берегу реки Нарвы происходили мелкие стычки с разведывательными группами войск противника. Враг как бы давал нам возможность попривыкнуть к фронтовой жизни, прежде чем наброситься на нас всей своей силой.

Я внимательно присматривался к товарищам. Мы все по-разному вели себя перед боем: кто без конца проверял исправность личного оружия, кто тщательно подгонял снаряжение, кто не переставая курил, а некоторые спали непробудным сном.

Был среди нас студент духовной семинарии Жаворонков: кругленький, с черными усиками и жиденькой бородкой, он только и говорил о смерти. «Смерть пожирает все, что мы видим, кроме неба и земли. Человек постоянно борется со смертью, чтобы продлить свою жизнь». Его никто из бойцов не слушал, но Жаворонков, словно помешанный, носился по траншее со своими разговорами о смерти, хотя мы еще не вступали в настоящую схватку.

На противоположном берегу Нарвы было тихо, как в первый день нашего прихода сюда. То и дело посматривая на часы, я ждал, когда вернется со свежей почтой связной командира роты Викторов. Вдали, за лесом, в направлении города Нарвы, будто прогремел гром. За ним последовали редкие орудийные залпы, а потом все слилось в сплошной грохот...

Викторов не принес мне желанной весточки из Ленинграда; с грустью вернулся я на командный пункт роты. Романов спал у ствола разлапистой ели. Русые пряди волос рассыпались по высокому лбу и закрыли часть смуглого лица. Новенькая гимнастерка защитного цвета молодила его. Рядом с ним лежал политрук роты Васильев. Он не спал: при свете фонарика читал полученное от жены письмо. Я улегся рядом с ним. До войны мы с Васильевым работали

⁴ Своеобразный и удивительно красивый природный феномен, наблюдаемый в мае – июне в северных странах. В определенные дни длительность ночи в описываемой автором местности (то есть в районе Ленинграда (сейчас Санкт-Петербург) сокращается до нескольких десятков минут. (Прим. ред.)

на одном заводе и были хорошо знакомы. Буквально за несколько дней до войны он женился. И вот сейчас, наблюдая, с какой радостью он читает и перечитывает письмо, нетрудно было понять, как тяжело переносит Васильев разлуку с женой. Общительный и отзывчивый человек, Васильев хорошо сживался с людьми. Он быстро завоевал доверие бойцов и командиров, хотя сам был глубоко штатским человеком.

Из глубины леса послышалось:

– Стой!

Мы насторожились, ждали, что вот-вот начнется перестрелка, но ничего не произошло. В глуши леса стояла тишина. Вот лунный свет упал на лесную поляну, и мы увидели, как через нее проскользнули и скрылись в лесной чаще темные фигуры. Кто идет – различить было трудно. Я толкнул Романова в бок, он моментально проснулся, схватил автомат, но командир роты удержал его за руку:

– Не спеши!

Вскоре к нам подошли снайперы Сидоров и Ульянов. Они вели незнакомого человека в штатской одежде. Сидоров доложил старшему лейтенанту:

– На лесной поляне, у излучины реки, задержали двоих. Один оказал сопротивление и был убит, а этого взяли живым. Они вели передачу вот по этой рации, – Сидоров подал небольшой металлический ящик, в котором была смонтирована рация. – Радист вызывал кого-то: «*Дер Тигер*».

После короткого опроса лазутчика командир роты сразу же отправился на командный пункт батальона доложить о случившемся. С собой он взял Ульянова и меня.

Слушая Круглова, майор Чистяков, высокий худощавый человек с острым взглядом глубоко сидящих глаз развернул карту-двухверстку и стал искать на ней лесную поляну, где были задержаны вражеские разведчики. Указав на обведенный красным карандашом квадрат, он сказал в раздумье:

– Это не просто лесная поляна. Это временный аэродром, покинутый нашими летчиками. Возможно, немцы попытаются использовать его для высадки десанта. Но когда?

– А если связаться с немцами по рации? – предложил Круглов.

– Нет, этого сейчас делать не следует. Прежде всего поставим в известность командира полка.

Старшему лейтенанту Круглову было приказано немедленно отправиться вместе со мной и Ульяновым на командный пункт полка и доложить о действиях вражеских разведчиков. Три километра мы пробежали за 10–15 минут. Подполковник Агафонов внимательно выслушал нас, переспрашивая и уточняя детали. Закурив, он задумался, а затем повернулся к начальнику штаба.

– Немцы уже знают о месте расположения нашей части. Вполне возможно, что под покровом ночи они выбросят десант, а на рассвете атакуют и с фронта, и с тыла. Ни одного телефонного звонка командирам батальонов! Немцы могут подслушать. Надо как можно быстрее устроить вокруг аэродрома засаду. – В глазах подполковника сверкнули огоньки: – И если немцы пожалуют к нам в гости, устроить им хорошую встречу. Позывные противника вы точно запомнили? – спросил он Ульянова.

– Да, товарищ командир!

– Передайте Чистякову, что я не возражаю против попытки связаться с немцами по рации. Пусть *комбат* все время держит меня в курсе событий. Немца хорошенько допросите и направьте к нам.

Когда мы вернулись в свою роту, Романов попросил Ульянова рассказать подробно, как были обнаружены разведчики.

– Мы шли из штаба полка, – охотно стал рассказывать Ульянов. – Чтобы сократить путь, решили пойти лесом. Не успели выйти на поляну, как я услышал приглушенные голоса.

Мы легли, но из-за темноты, сколько ни всматривались, ничего не могли обнаружить, кроме небольшой скирды сена. Осторожно поползли вперед. Послышался приглушенный говор. Некошенная трава кончилась, и копна сена оказалась совсем близко. Тут мы увидели сначала одного немца (он сидел на корточках, прислонясь спиной к скирде), потом другого. Этот лежал рядом, возле небольшого ящика и с кем-то разговаривал, держа в руке трубку. Когда мы прищмотрелись получше, то разглядели и наушники на его голове. Я толкнул Сидорова локтем и прошептал ему на ухо: «Немцы! *«Дер Тигер»* – это по-немецки «тигр».

Сидоров шепнул мне, что неплохо бы записать слова, но немец прекратил разговор. Радисты, не меняя положения, оставались на месте, чего-то ждали. Мы тоже лежали неподвижно, даже старались не дышать. Некоторое время прошло в полном молчании. Немец, сидевший возле копны, уставился в небо. При свете луны я видел его густо заросшее лицо и думал: «Видно, давно, гадина, болтаешься по нашим тылам». Потом опять заговорил лежавший возле ящика радист. Я стал быстро записывать его слова. Вскоре он кончил разговор. Сидевший лег рядом с радистом, и они стали что-то есть. В эту минуту мы и бросились на них. Радиста схватил сзади Сидоров и прижал к земле, второй взялся за автомат, но я успел ударить его кинжалом...

– Значит, стука ключа вы не слышали? – допытывался Романов.

– Нет, в одной руке немец держал вот эту трубку, а второй прижимал к голове наушники.

Романов подошел к разведчику. Он был невысокого роста, щупленький, с перепуганным серым лицом.

– С кем вы держали связь и какие ваши позывные? – резко заговорил по-немецки Романов.

Лазутчик, увидев злое лицо русского, быстро ответил:

– Я держал связь с одной летной частью. Где она находится и что намерена делать – не знаю.

Подошел командир роты Круглов.

– О, да я вижу, вы поладили, – сказал он, обращаясь к Романову. – Ну что же, это неплохо. Немец тоже человек, жить хочет, а вот фашист – зверь, пусть не ждет от нас пощады.

Романов перевел слова старшего лейтенанта.

– Герр офицер, – торопливо, сильно картавя, заговорил лазутчик. – *Их нет фашист, их немецки зольдат.*

– Полно врать, – оборвал немца Круглов. – Вы свое дело сделали, сообщили своему командованию о расположении советских войск в этом районе.

Романов установил рацию, я надел наушники и прислушался. Над нами было чистое звездное небо, но казалось, что оно до отказа заполнено звуками. В эфире неслись десятки голосов – русских, немецких, финских. Кем-то выкрикивались позывные: отовсюду требовали, звали, просили. Круглов присел на корточки возле рации:

– Ну что же, попробуем?

– Я готов, товарищ командир.

Романов взял от меня наушники, поднес трубку ко рту:

– *Ахтунг, ахтунг! Хёрен зи, хёрен зи, «Дер Тигер», «Дер Тигер», «Дер Тигер». Их бин «Элефант», их бин «Элефант»...*

Немцы молчали. Романов снова повторил вызов. Прошли еще секунды томительного ожидания. И вот среди шума в эфире он услышал свои позывные и слова: «Почему долго молчали? Срочно сообщите, спокойно ли в вашем квадрате?»

Под диктовку Круглова Романов передал:

– В нашем квадрате все спокойно. Русских нет...

Между тем подразделения нашего полка уже заняли позиции вокруг аэродрома, напоминавшего по форме подкову. Две роты 1-го батальона залегли на северной и восточной сторонах

поляны, 3-й батальон – на западной. Свободным оставался проход с южной стороны: он был заминирован.

Рядом со мной на опушке леса у станкового пулемета затаились два бойца. Я заметил, что один из них не мог ни минуты спокойно лежать на месте.

– Ты, Гриша, не нервничай, – сказал баском второй боец. – В нашем деле нужна выдержка. Да и неудобно перед товарищами – они увидят и после смеяться будут...

Запинающимся голосом Гриша проговорил:

– Вы не ругайте меня, дядя Вася. Я стараюсь...

Я вспомнил, что видел вечером этих двух бойцов в траншее во время артиллерийской стрельбы. И теперь, как и в тот раз, дядя Вася поучал своего молодого напарника.

Луна озарила всю поляну. У реки стояли высокие вербы, впереди нас – бурьян, в котором залегли бойцы. Когда в воздухе послышался шум моторов, справа от нас зенитки открыли заградительный огонь. Высоко в небе появились золотистые вспышки. Шум моторов все нарастал. Самолеты кружились поблизости от лесного аэродрома.

Первый десантник приземлился на поляну недалеко от меня. Он упал на бок, парашют протащил его за собой... При свете луны мы видели, как немецкие парашютисты группами спускались на аэродром. Они быстро освобождались от ранцев и бежали в сторону скирды, у которой были обнаружены радисты. Потом загорелось подожженное немцами сено. Над поляной резко заревели моторы. Совершенно неожиданно я увидел громадную черную махину,двигающуюся по аэродрому прямо на меня. Казалось, это чудовище сейчас наедет и раздавит нас!

Я не заметил, как ко мне подполз снайпер Сидоров, который положил мне руку на плечо:

– Ты чего испугался? Это немецкий двухмоторный транспортный самолет.

– А ты откуда знаешь?

– По звуку моторов. Не бойся, он в лес не побежит.

Моторы внезапно заглохли, самолет остановился в двухстах метрах от нас. При свете горящей скирды я увидел, как возле самолета начали сновать десантники.

– Разгружаются, гады, – прошептал Сидоров. – Смотри, даже пушки привезли...

Как только немцы выгрузились, пилот включил моторы, солдаты подхватили самолет за хвост и крылья, разворачивая его в сторону взлетного поля.

Вдруг что-то тяжелое, ломая сучья, упало позади нас. Мы замерли, и спустя несколько минут к нам подполз командир отделения Захаров, который передал приказ командира роты:

– Если немцы бросятся за грузом, драться без шума, ножами.

– А если их будет много? – спросил Сидоров.

– Другого приказа нет. – И бросился дальше.

Спустя несколько минут Захаров опять приполз к нам, на этот раз с солдатом Булкиным. Крепко выругавшись, командир отделения указал ему место рядом с нами.

– Ты что, бежать собрался, стерва, воевать не хочешь? – Захаров сжал кулаки.

Отделенный порывистым шепотом рассказал нам, что он наткнулся на Булкина, когда тот уползал в глубь леса.

– Да что вы, товарищ командир, – оправдывался Булкин. – Я не убегал, а искал воды, хочется пить!

– А для какого черта у тебя болтается на поясе полная фляга воды?

Булкин шумно сопел носом, щеки его вздрагивали, глаза бегали по сторонам.

– Если еще раз замечу, суд будет короткий! – погрозил Захаров автоматом.

В воздухе по-прежнему шумели моторы. Сейчас уже слева и справа в небе вспыхивали разрывы снарядов. Неожиданно мы увидели огромную огненную стрелу, падающую на землю. Я плотно прижался к сосне; на этот раз и Сидоров прикрыл голову руками. Только Романов лежал, не изменив положения. Сбитый самолет врезался в обрыв реки, сильный взрыв потряс

землю, лесная поляна озарилась багровым светом. В этот миг я заметил немцев: они торопливо устанавливали пулеметы, дула которых смотрели в нашу сторону.

И тут в небо взвилась зеленая ракета. Описав большую дугу, она упала на середину аэродрома. Сразу открыли огонь все наши станковые и ручные пулеметы. Десантники падали на землю, расплзались в стороны, а некоторые из них бежали к крутому обрыву реки, чтобы там укрыться от огня, – и вот послышались взрывы мин.

Стоя на коленях и подавая своему «старшому» пулеметную ленту, молодой боец, который так волновался до начала боя, теперь во весь голос выкрикивал:

– Что, гады, жарко стало?

Бой продолжался около двух часов. Немцы яростно сопротивлялись. Все вокруг пропиталось едким запахом порохового дыма. Но только с наступлением рассвета десант был уничтожен.

Старший лейтенант Круглов поручил Романову и мне доставить в штаб полка пойманного вечером радиста, который во время боя находился под охраной на командном пункте роты.

– Может быть, после этой прогулки он будет поразговорчивее.

Мы повели немца через поляну, усеянную трупами. Он шел медленно, мрачно озираясь вокруг, обходя трупы своих земляков. На его лице был испуг.

При первых лучах солнца мы похоронили на склоне оврага восемь наших товарищей, павших в ночном бою. Я помню, что не мог без слез смотреть на лица погибших друзей, с которыми всего лишь несколько часов назад шел рядом, разговаривал, смеялся...

Бой на реке Нарве

Среди убитых был командир нашего взвода Иван Сухов. Его заменил Петр Романов. Как только сгустились сумерки, он приказал мне и снайперу Володе Сидорову идти в секрет.

– Если обнаружите что-нибудь важное, – сказал Романов, – немедленно возвращайтесь.

Выйдя на опушку леса, мы залегли в мелком кустарнике, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что можно было услышать и увидеть в сиянии белой ночи. Прошел час, другой. Все было спокойно. Дымился туман; на фоне бледного неба где-то далеко мерцали зарницы. Наблюдая за противоположным берегом реки, мы изредка обменивались короткими фразами.

Сидоров был хороший снайпер, в повадках его было что-то кошачье; он мог часами без движения просиживать на одном месте, не отводя глаз от предмета, который вызывал его подзрение. Он обладал исключительной остротой слуха, но по зрению уступал мне. В кустах что-то зашуршало, и Сидоров шепнул:

– Прислушайся, что-то шуршит.

Тут же я увидел зайца. Выскочив на опушку, зайчишка присел, быстро осмотрелся и передними лапками умыл свою усатую мордочку. Потом он не спеша поковылял к клеверному полю. На опушке леса пронзительно захохотала сова, – и опять тихо... Но вдруг Сидоров схватил меня за руку:

– Никак кто-то ползет?

Мы насторожились. Прошло несколько минут, и вскоре перед нами показался человек. Незнакомый полз, тяжело дыша, то и дело останавливаясь. Когда он переползал бугорок, я увидел его взъерошенные волосы и искаженное гримасой лицо. По одежде нельзя было узнать, кто он – военный или штатский. Незнакомый полз, опираясь на левую руку, в правой держал пистолет. Вот он поник головой и тяжело застонал. Мы подползли к нему. Человек неподвижно лежал с пистолетом в руке. Я отобрал у него оружие, – он даже не пытался оказать сопротивление.

Сидоров повернул неизвестного вверх лицом: он прерывисто дышал открытым ртом, его лицо было влажным, глаза бесцельно блуждали по сторонам, одежда изорвана, покрыта грязью, правое плечо кое-как обмотано бинтом, на котором виднелись черные пятна. Сидоров отстегнул от ремня раненого планшет и подал его мне, а сам стал рассматривать незнакомца.

– Это немец, – сказал Сидоров. – На пряжке ремня орел. Должно быть, один из тех, кого мы вчера стукнули. Непонятно, где же он укрывался?

Мы стали приводить немца в сознание. Сидоров отстегнул от своего ремня флягу. Как только струйка холодной воды попала в рот раненого, тот обеими руками судорожно ухватился за фляжку, стал с жадностью глотать воду, тело его забилось мелкой дрожью. Потом немец провел рукой по влажному лицу и невнятно заговорил. Ясно было, что он бредил.

Когда к нашему пленнику вернулось сознание, он сразу же оперся на руки, приподнялся и, удерживаясь в полусидячем положении, стал искать в траве пистолет. Не найдя оружия, он опустился на землю, глухо застонал, кусая губы. Мы посоветовались: как быть? Возвращаться на командный пункт роты или продолжать наблюдение? Возможно, еще кто-нибудь появится...

Все же мы решили сейчас же вести раненого к командиру роты Круглову. Немец был очень слаб. Сидоров дал ему хлеба и флягу с водой, – и он начал с удивившей меня жадностью есть и пить.

Когда мы ввели пленного в землянку старшего лейтенанта, здесь находились командиры взводов. Как старший по наряду, я доложил:

– Товарищ командир! Этого немца мы взяли на лугу, он полз из леса к берегу реки. Тщательного обыска не производили. Отобрали оружие и планшет.

Круглов приказал Романову допросить пленного, а сам взял в руки пистолет немца:

– «Парабеллум». Знакомая вещица, у финских офицеров были такие.

Пленный назвался майором Штраубергом.

– Я благодарю ваших солдат за любезность, которую они проявили ко мне, – заявил он.

По лицу немца скользнула надменная улыбка. Он потер свой угловатый лоб и уверенно, четко выговаривая каждое слово, сказал, обращаясь к советскому офицеру:

– Делайте со мной что хотите... А Ленинград будет нами взят.

– Благодарю за откровенность, но и вы запомните: никогда наш город не будет немецким.

На этом орешке вы зубы сломаете..

Немец приложил три пальца ко лбу в знак приветствия, с трудом повернулся и вышел из землянки в траншею, где его ждали два автоматчика для конвоирования в штаб батальона. Круглов развернул большую карту и стал что-то внимательно рассматривать на ней. Потом он обратился к командирам взводов:

– Вот она, прямая дорога Кингисепп – Нарва. Если враг овладеет ею, нашим войскам не устоять ни в Нарве, ни в Кингисеппе. Захватив дорогу, немцы ударят во фланги и заставят отступить. На нас, товарищи, лежит большая ответственность.

Командир роты сообщил, что, по данным разведки, враг превосходит наши силы в несколько раз. У нас одно преимущество: перед окопами роты – река, на флангах – леса, овраги. Танки противника здесь не пройдут, но с пехотой, которая будет действовать под прикрытием артиллерии и авиации, нам придется крепко подражаться.

Круглов к чему-то прислушался, не спеша подошел к двери, приоткрыл ее:

– Слышите шум? Немцы подтягивают силы для переправы. Не пустим их на наш берег! Дорогу Нарва – Кингисепп будем защищать насмерть!

Он вернулся к нарам, на которых сидели командиры:

– Не думайте, что смерть только нам страшна. Нет, смерти боятся и немцы. Выдержка, смекалка, взаимная помощь – вот наша сила. И еще – надо постоянно быть лицом к врагу. Этому, и только этому учить каждого бойца и командира. Повернулся спиной – пропал. Ты уже не сила, а мишень...

Когда мы вышли из землянки, было 5 часов утра. В воздухе послышался сильный шум моторов. Он быстро нарастал, и сразу же из-за вершин леса появились самолеты. Они летели так низко, что их легкие тени скользили по земле. Бойцы плотнее прижались к стенкам траншеи, но, увидев на зеленоватых плоскостях пятиконечные звезды, восторженно замахали руками. Это наши бомбардировщики возвращались из тылов противника.

В 6 часов утра в воздухе появился вражеский разведчик – «костыль»⁵. При первых же выстрелах наших зенитчиков он скрылся, и снова все утихло. Эта тишина перед началом боя держала нас в нервном напряжении. Солдаты не могли спокойно стоять на месте. Они перекладывали из ниши в нишу гранаты, перетирали патроны и в который раз проверяли оружие. Каждая минута в ожидании боя казалась часом. Рядом со мной хлопотал у своего пулемета дядя Вася. Он, как всегда, был нетороплив, расчетлив в движениях и с большой предусмотрительностью готовился к бою. Дядя Вася по своей натуре был несколько замкнутым, очень спокойным человеком, больше любил слушать, чем говорить. Но к делу он всегда относился серьезно, приказы командира выполнял беспрекословно и точно.

К нам подошел командир роты:

– Готовьтесь к бою, товарищи снайперы! Следите за офицерами и пулеметчиками, не забывайте о флангах! Чем больше перестреляете незваных гостей, тем легче будет нам. А вы, дядя Вася, держите под обстрелом брод и следите за опушкой леса.

⁵ Прозвище немецкого разведчика-корректировщика «Хеншель-126» в русском военном сленге; также «каракавица». (Прим. ред.)

Я увидел, как странно улыбнулся мой напарник Сидоров. Его лицо побледнело, губы слегка дрожали. «Трусит, наверное», – подумал я, но тут же поймал себя на мысли, что и сам, видимо, нахожусь в таком же состоянии. Круглов скрылся за поворотом траншеи, но его слова запомнились: «Готовьтесь к бою, товарищи снайперы!»

Около десяти часов утра из глубины нашего расположения грянул пушечный выстрел. Воздух дрогнул, грохот пронесся по лесу, раскатываясь из конца в конец. Вдруг земля застонала. Казалось, что она приподнялась и закачалась из стороны в сторону! Лес наполнился свирепым ревом канонады. На хлебном поле, на лугу к небу взвивались клубы дыма и пламени. Мы были в недоумении.

– Что это выдумали наши артиллеристы?.. – заволновался Сидоров. – Ведь не было приказа идти в наступление, а они палят.

– А ты что думаешь, только перед атакой стреляет артиллерия? Нет... Вот она сейчас потреплет фашистов, глядишь, и поубавит их прыть, – ответил хриплым басом Ульянов. Он протер ладонью глаза и припал к окуляру прицела. Руки его слегка дрожали.

Вскоре гитлеровцы открыли ответный огонь. Лес гудел от разрывов снарядов. Кругом все горело. Вековые деревья ломались, словно былинки. Вначале вражеские снаряды рвались позади наших передовых позиций, потом разрывы стали приближаться к нам. Лавина бушующего огня нарастала и захватывала все новые и новые рубежи нашей обороны.

Подошел Романов, посмотрел на нас:

– Ну как, товарищи, струхнули малость?

Сидоров огрызнулся:

– А у тебя что, душа железная?

– Нет, не железная... Вот она, настоящая война! – сказал Романов. Он закрыл пилоткой лицо. Пыль и дым лезли в глаза, нос, рот, мешали дышать, вызывали сухой кашель.

Артиллерийская дуэль длилась больше часа, но мне казалось, что прошла вечность. Когда все стихло, в голове продолжали стоять свист снарядов и грохот разрывов. Сколько прошло потом времени – минуты или часы, – не помню. Меня дернул за рукав Сидоров:

– Будет тебе землю нюхать. Смотри, немцы!

По полю шли к берегу вражеские танки – петляя, как зайцы перед лежкой. Но вот одна, потом другая машина, вздрогнув, замерли на месте, уронили длинные стволы на землю и задымили. Они попали на минное поле. Другие танки, усилив стрельбу, приближались к реке. Следом за ними бежали автоматчики. Ведя беспорядочную стрельбу, они горланили, как мне казалось, «ля-ля-ля!..».

Наша артиллерия начала бить по танкам прямой наводкой. Как только немецкая пехота подошла к нам на прицельный выстрел, открыли огонь и мы. Романов крикнул:

– Ребята, видите долговязого офицера? Стреляйте!

Сидоров выстрелил, и немец упал. Я взял на прицел шедшего рядом с офицером коренного солдата, и моя пуля свалила его у ног командира. В ту же минуту открыли огонь наши станковые и ручные пулеметы. Немецкая пехота была отсечена от танков и брошена на землю. На берегу реки, как раз против позиции нашей роты, застыли два перевернувшихся вверх гусеницами самоходных орудия и три танка противника. Труды наших минеров не пропали даром: они хорошо помогли нам в отражении танковой атаки.

Первая попытка врага форсировать реку успеха не имела. После короткого перерыва последовала новая атака пехоты, на этот раз под прикрытием крупных сил авиации. На наши головы посыпались бомба за бомбой. Земля вновь задрожала и закачалась. Вековые сосны и ели, вырванные с корнями, взлетали в воздух как стрелы. Казалось, что находишься не на земле, а на шатком мостике среди бушующих морских волн.

Густой дым и пыль висели над полем боя. В пяти шагах нельзя было видеть, что делают товарищи. Осколки бороздили землю, и казалось, что ничто живое не устоит перед этой слепой

силой металла. Только неодолимое желание увидеть смерть врага заставляло меня отрываться от земли, наспех отыскивать цель и стрелять, стрелять с жадностью, – а потом снова прижиматься к земле, укрываясь от осколков и пуль.

Пережить все это сразу в первом бою очень трудно. Но зато все пережитое становится настоящей наукой, которой ни в каком университете не овладеешь. Чувство самозащиты и желание победить подсказывают, как и где лучше укрыться от осколков и пуль, учат правильно пользоваться складками местности, помогают найти место, откуда можно с меньшей для себя опасностью наверняка убить врага.

Никому не поверю, что он в бою не боится смерти. Каким бы человек себя ни показывал смельчаком, но когда ему пуля обожжет висок, он не может не вздрогнуть, не броситься на землю. Бой – это тяжелый труд. Он требует от воина всех сил без остатка. В ратном труде ничего не делается на авось, наполовину, нет скидки на усталость или неподготовленность бойца. Вы ставите на карту не только свое умение воевать, но и душевные качества. Не заметил, промедлил – за вас расплачиваются кровью и жизнью сотни товарищей. При малейшем загибании человек буквально валится с ног и тут же засыпает, не выпуская из рук оружия...

Вторая атака, предпринятая немцами в этот день на берегах Нарвы, была также отбита. Затем наступил второй день битвы на Нарве. При первых лучах солнца все уже были на ногах. Сидоров и я стояли в узкой щели траншеи, возле укрепленного блиндажа, в котором располагался взвод Романова. Здесь же был и старший лейтенант Круглов. Вскоре к нам подошел политрук роты Васильев.

– Вчера немцы прощупывали наши рубежи, а сегодня, наверное, навалятся всей силой. Так что держитесь.

Мы закурили.

– Когда на берегу появились танки с пехотой, – услышал я голос командира роты, – вы открыли по ним огонь. Это хорошо. Но вы забыли о вражеских пулеметчиках. Они, мол, в атаку не ходят и поэтому не опасны... Нет, это неверно. Вот мы с вами в атаку не ходили, а враг побежал от наших пулеметов. И еще, – добавил Круглов, – мы не умеем укрываться. Командир взвода Веселов во время бомбежки не увел своевременно людей в укрытие. И что же? Сам погиб и товарищей подставил под огонь. Неразумное лихачество равно самому тяжкому преступлению. Умереть на фронте штука простая, а жить-то всем хочется.

Не успели мы позавтракать, немцы начали артиллерийскую подготовку: снова над нашей траншеей забушевал огонь. Как только ослабел огненный шквал, слышалась команда командира роты:

– По местам!

Блиндаж быстро опустел. Низко пригибаясь, мы с Сидоровым пробирались к своему снайперскому окопу. В укрытии мы отряхнулись от песка и засели у амбразур.

– Ты выслеживай пулеметчиков, – сказал Сидоров, – а я займусь офицерами. – И он припал глазом к окуляру прицела. Прозвучал выстрел. Владимир взглянул на меня: – Один подлец кончил жить! – И продолжал стрелять.

Мне не пришлось долго искать пулеметчиков: по полю к реке ползли немцы, и их было столько, что казалось, сама земля движется. К опушке березовой рощи пять гитлеровцев подтащили станковый пулемет. Я успел пристрелить двоих, – остальные бросили пулемет и укрылись в кустарнике.

Поле боя окуталось облаками дыма, с каждой минутой становилось все труднее высматривать врага. Возле Сидорова выросла груда стреляных гильз. Скоро моя винтовка так накалилась, что к казеннику нельзя было притронуться. Тогда я взял трофейный ручной пулемет и сполз в траншею. Недалеко от меня из двуногого «дегтярева» вел огонь красноармеец Дроздов. Казалось, что он сильными руками держит не пулемет, а легкую трость. На продолговатом

грубом лице, опаленном дымом, видны были только зоркие глаза да крепкие желтоватые зубы. Дроздов стрелял не торопясь, короткими очередями. Заметив меня, он крикнул:

– Давай! Давай, снайпер! Бей их, гадов! Не пустим их на наш берег!

Когда я перезаряжал пулемет, что-то ударило меня по голове, да так сильно, что я, вцепившись обеими руками в кромку траншеи, еле устоял на ногах. В глазах замелькали золотистые круги, а уши словно крепко-накрепко заткнули пробками. Кругом стало удивительно тихо. Когда я протер глаза и осмотрелся, Дроздов лежал на дне траншеи, раскинув руки. На лице нет и тени мучительной предсмертной гримасы, густые черные волосы рассыпались по бледному лбу. Глаза чуть-чуть прищурены, будто еще прицеливаются для очередного выстрела. Дроздов умер, не снимая пальца со спусковой скобы пулемета...

Мимо меня со связкой гранат пробежал красноармеец Леша Булкин. Он легко вскочил на бруствер, быстро-быстро пополз к глубокой воронке и укрылся в ней. И тут же я увидел, как из воды на наш берег выползает бронированная машина с черным крестом на борту. Леша поднял голову, и по твердому выражению его лица я понял, что он решил вступить в единоборство с танком. Булкин приподнялся и, когда танк приблизился к воронке, забросил на борт машины с черным крестом связку гранат. Я не слышал взрыва, лишь горячая взрывная волна ударила мне в лицо, – но по борту и по башне танка поползли синие языки пламени.

Ко мне подбежал Романов, он что-то кричал, размахивая руками. Но я не обращал на него внимания. В эту минуту все мои мысли были поглощены тем, как бы немцы не заметили ползущего обратно Алексея Булкина. Много времени прошло с того дня, – но мне до сих пор видится, как молодой солдат с сияющими глазами ползет обратно к нашей траншее...

До вечера я пролежал в блиндаже. Здесь меня несколько раз навещал Романов. Он по-братски заботился обо мне, переживая мою контузию больше, чем я сам.

Слух постепенно восстанавливался, и, как только стемнело, я вернулся в траншею, хотя в ушах все еще шумело и потрескивало. Ребята заканчивали работу по укреплению поврежденных снарядами огневых точек. А на склоне лесного оврага мы вырыли братскую могилу для погибших в бою товарищей.

Гибель друзей мы переживали мучительно. Командир роты Круглов стоял на краю могилы, опустившись на одно колено. Ветер трепал его русые волосы, лицо было строгим, печальным, глаза воспалены. Казалось, что, прощаясь со своими воинами-героями, он сразу постарел на много лет. Порывистый ветер бушевал в лесу. Не замечая ничего, с обнаженными головами стояли бойцы и командиры у свежей могилы. Политрук Васильев хриплым от волнения голосом прочитал список погибших товарищей, затем прогремел прощальный красноармейский салют. В эту могилу лег и пулеметчик Степан Дроздов.

...В траншее нас встретил повар Сережа Катаев. Из принесенных им термосов шел вкусный запах горячих щей. Как ни тяжело нам было, но голод давал о себе знать. Ведь мы с утра ничего не ели!

– А ну, ребята, подходите, повоевали – хватит, пора и обедать! Не моя вина, что вы спозаранку затеяли с немцами драку и весь день провозились с ними.

– Водки давай, Сережа! – крикнул кто-то.

– Не с того спрашиваете! Мое дело щи да каша. А ну, желающие добавочки, подходите! Романов протянул мне кисет:

– Кури, скоро придет политрук, будет рассказывать о последних событиях на фронте.

Бойцы собирались у командирского блиндажа. Постепенно начались неторопливые разговоры.

– Леша, как же это ты в ночном бою с десанниками по кустам ползал, а сегодня на танк один полез? – спросил Булкина Сидоров.

Безусый красноармеец бросил на Сидорова не особенно дружелюбный взгляд:

– Железо надо калить, чтобы получилась сталь, ты это знаешь?

Из блиндажа вышел Васильев. Бойцы умолкли. Политрук достал блокнот, осмотрелся.

– Из показаний пленных нам известно, – начал он, – что фашисты не останавливаются ни перед какими потерями. Видите? – Политрук указал на противоположный берег реки. – Эти уже успокоились, но живые будут рваться вперед, к нашему Ленинграду. Немцы взяли Лугу и стремятся сейчас своим правым крылом перерезать последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной...

Красноармейцы сидели на корточках, прислонясь к стенке траншеи. Лица у всех были хмурые. Дядя Вася крутил сигарку, руки его дрожали, табак сыпался на колени. Он опять опускал два пальца в кисет, доставая щепотку табаку, и все-таки никак не мог свернуть самокрутку. На его загорелом лице застыла задумчивость. Рядом с ним сидел Гриша: он автоматически выравнивал пальцами патроны в пулеметной ленте, время от времени посматривая злыми глазами в сторону немцев.

– Тяжело нам сдерживать напор врага, – продолжал политрук, – Вот уже шестые сутки ведем бой. Задача у нас одна – изматывать силы фашистов, уничтожать их солдат, подрывать, жечь танки, транспортеры, гнать немцев с нашей земли. Много еще у гитлеровцев танков и самоходок, но бояться их не будем. Мы их еще двадцать лет назад научились бить. В Ленинград немцев не пустим! Не выйдет это! – закончил политрук.

Новый день на берегах Нарвы начался для нас совершенно неожиданно: как только забрезжил рассвет, наша авиация обрушилась на немецкие позиции. И вот тут-то я увидел, как воюют советские летчики, как мечутся немцы, не зная, где бы укрыться на русской земле, где спастись от смерти. Как радовались наши бойцы и командиры! Без опаски высывались мы из укрытий, а некоторые даже вскакивали на бруствер и, махая винтовками, кричали:

– Дайте им, гадам, дайте! Так их!

Дым от бомбового удара нашей авиации медленно опускался все ниже и ниже, а затем растворился в лучах солнца. Перед нами опять обнажилась изрытая осколками и снарядами родная земля.

Из уст в уста по траншее был передан приказ командира: «Всем укрыться!» Траншея мгновенно опустела. Романов, Сидоров и я остановились у блиндажа пулеметчиков. Мы молча закурили. Через полуоткрытую дверь я услышал голос Гриши:

– Дядя Вася, сегодня фашисты полезут или нет?

– Трудно сказать, Гриша... Но если полезут, то не так прытко, как вчера. Наши соколы попотчевали их сегодня.

Когда мы зашли в блиндаж сержанта Акимова, бойцы его отделения собирались завтракать. Командир отделения отрезал кусок хлеба, не спеша посолил его, и в тот момент, когда хотел откусить, у самой двери взорвался снаряд. Дверь настежь распахнулась, нас обдало дымом, котелки попадали на землю, красноармейцы бросились к пулеметам и винтовкам.

– Ну и шутники эти фрицы, не дадут спокойно человеку поесть, пылить вздумали, – сказал Акимов, пряча в сумку остаток хлеба.

Старший лейтенант Круглов шел по траншее, от бойца к бойцу, подбадривая их:

– Ну, ребята, дождались веселья! Теперь скучать некогда. Патронов не жалейте! У нас их хватит.

Снова разорвался снаряд. Взрывная волна оторвала от пулемета дядю Васю, подняла со дна траншеи и выбросила на бруствер. Гриша, не задумываясь, выскочил наверх, схватил пулеметчика и втащил в траншею. Он быстро отстегнул флягу от своего ремня, осторожно приподнял голову дяди Васи и приложил флягу к его губам. Потом усадил его у стенки траншеи, а сам бросился к пулемету. Длинная очередь хлестнула по реке. Из воды на наш берег вылезали вражеские автоматчики. Я впервые увидел немцев так близко: низко надвинутые на брови каски, искаженные от страха лица, широко открытые рты, лихорадочно бегающие по сторонам

глаза... Немцы, видимо, что-то кричали, но шум боя заглушал их голоса. Немецкие солдаты вели непрерывный автоматный огонь, пули бились о бруствер, поднимая фонтанчики земли. Гитлеровцы всеми силами старались зацепиться за берег, но не смогли преодолеть наш огонь. Вот они один за другим стали отползать к реке, однако мало кому из них удалось переплыть на другую сторону.

К вечеру шум сражения стал медленно утихать. Едкий дым пороховых газов постепенно рассеивался. В воздухе разлилась тишина...

Всего лишь несколько суток назад мы любовались березовыми рощами, цветущими лугами, морем колосившихся хлебов, а теперь все изрыто и вспахано снарядами и минами. Кругом, куда ни помотришь, – разбитые танки, самоходки, трупы людей. Вместо хутора – черный пустырь.

Опустившись на колени, Гриша кричал в ухо Ершову:

– Дядя Вася, фашистов перетопили в реке!

Цепляясь за стенку траншеи, старый пулеметчик с трудом встал и, опершись на плечо своего товарища, посмотрел на противоположный берег. Без слов обнял он Гришу и крепко поцеловал...

Рано утром на седьмые сутки все вокруг вновь задрожало, заволокло дымом. За валом артиллерийского огня к берегам реки опять поползли немецкие автоматчики. Мы их уже видели не раз. Те же искаженные лица, те же две буквы «СС» на рукавах мундиров. Я видел, как позади солдат полз офицер. Он держал в одной руке гранату-«колотушку», в другой – маузер, которым указывал путь солдатам.

Командир роты Круглов подбежал к Сидорову:

– Видите фашистского офицера?

– Вижу, товарищ командир.

– Так что же вы им любуетесь?

Грохнул выстрел – офицер ткнулся лицом в землю.

Сидоров посмотрел на меня.

– Сколько же их на нас прет? Бьем, бьем, а они все лезут, как черти из болота.

– Гляди в оба, а то опять прозеваем!

Владимир стал посылать пулю за пулей.

Лучи солнца не могли проникнуть через волны дыма, который клубился над полем боя. Бойцы и командиры жмурились, высматривали воспаленными глазами противника и, не видя его, стреляли наугад. Рядом со мной стоял Романов. Он показал на три вражеских танка – когда и где они переправились через реку, я не видел. Танки в упор вели огонь по нашим пулеметным точкам. Артиллерия не могла прийти нам на помощь: мешали густой лес и близость своих траншей. Мы, пять человек, по приказу командира взвода поползли со связками гранат наперерез врагу. Сидоров и я – впереди, позади нас – сержанты Захаров и Акимов и красноармеец Сергеев.

В эти минуты я ни о чем не думал. Было одно желание – не пустить немцев ближе к Ленинграду! Сидоров первым бросил связку гранат под гусеницы головного танка. Взрывная волна прижала меня к земле. В ту же минуту из облака дыма показалась вторая серая громада, которую мы дружно забросали гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Третий танк скрылся.

Если бой утихал в одном месте, то тут же разгорался в другом. Стрелки-пехотинцы, не выпуская из рук оружия, ели на ходу. Казалось, нет больше сил продолжать бой, но никто не жаловался. Командир батальона майор Чистяков был вместе с нами в траншее. Он показал рукой на ползущих фашистов:

– Перестали бегать во весь рост! В атаку шагают на пузе! – Майор посмотрел на нас. – Мы прижали немцев к земле! Не дадим же им встать, а на четвереньках они далеко не уйдут.

Майор Чистяков смотрел на ползущих по полю немцев с недоброй усмешкой. На его лице, покрытом целой россыпью веснушек, играли скулы. В бою майор был решительным. Он не боялся взглянуть смерти прямо в глаза. За это мы любили нашего комбата и всячески оберегали его от вражеских пуль.

Но к исходу дня вражеским танкам удалось форсировать Нарву, на их бортах сидели автоматчики. На нашем берегу создалась критическая обстановка. Танки и автоматчики вели по нам губительный огонь, но в этот решающий момент на помощь к нам пришла авиация. На наших глазах в течение нескольких минут было уничтожено более пятнадцати танков, остальные стали поспешно отступать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.